ПРЕДАНИЯ РУСИ

ТЕКСТ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Сказания о богатырях

ВХОДИТ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ

Народное творчество (Фольклор)

Сказания о богатырях. Предания Руси

Серия «Правильное чтение»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29797984
Сказания о богатырях. Предания Руси: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-699-96965-4

Аннотация

Жизнь, подвиги, дружба, походы и битвы – все переплелось в героических сказаниях о русских богатырях. В сборник входят былины о "старших" богатырях – Святогоре, Микуле Селяниновиче, Илье Муромце, и "младших" богатырях – Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче.

Содержание

Исцеление Ильи Муромца 5
Илья Муромец и Соловей-разбойник 14
Святогор 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Виктория Кожедуб (ред.)
Сказания о богатырях. Предания Руси

ил. Игоря Беличенко
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Исцеление Ильи Муромца

Широко пораздвинулись Муромские леса дремучие, с топями да болотами, с горами да пригорками, с богатыми сёлами да пажитями[1] вперемежку. Среди тёмных лесов раскинулось богатое, славное село Карачарово, а в селе том жил

[1] Па́жить – пастбище, на котором пасётся скот.

старый крестьянин Иван Тимофеевич с женою Евфросиньей Яковлевной. Долго у них не было детей, лишь под старость дал им Бог сына, и назвали они его Ильёй. Растёт Ильюша, крепнет, а ни ногами, ни руками не владеет, пошевелить не может, сидит сиднем и год, и два, сидит десять, сидит тридцать лет. Кручинятся отец с матерью, дело их крестьянское, тяжёлое, всюду помощь нужна, а тут такое над ними горе стряслось: всем бы детище их взяло – и умно, и приветливо, а не может ни с места сойти, ни руки поднять. Отросла у Ильи борода, а он всё сиднем на печи сидит. Понаходились отец с матерью по святым угодникам, много было намолено, напрошено, а Илье не легчает: и рад бы встать, рад бы всякую работу справить, да ноги не носят, нет в них силушки – как брёвна висят, не шелохнутся.

Ушли как-то раз отец с матерью пожни[2] чистить, вырубать лес под поля, а Илья сидит себе в избе по-всегдашнему. Вдруг слышит: просят его в окошко двое нищих калик[3] перехожих:

– Впусти нас, Илья, дай нам воды испить.

– Рад бы я вас впустить, рад бы напоить, накормить, божьи люди, да не владею ни руками, ни ногами; вот уж тридцать три года сиднем сижу, даром хлеб жую.

Вошли странники в избу, осмотрелись, на икону помолились. Старший из них и говорит Илье:

---

[2] По́жня – сенокосный луг.

[3] Кали́ка – странник.

– Ну, Илья, теперь вставай, сойди в погреб, принеси нам браги студёной.

Тронул Илья ногой – нога зашевелилась, повёл рукой – и рука ожила, вскочил он, счастью своему не верит. Пошёл в погреб за брагой, принёс нищим добрую чару[4] в полтора ведра. Напились калики и дают Илье:

– Испей-ка, Илья, после нас.

Испил он, а калики его спрашивают:

– Много ль ты чуешь в себе силушки, добрый молодец?

– Ох, калики перехожие, божьи люди, столько-то я чую в себе силушки, что, если бы в небеса утвердить кольцо, взялся бы я за это кольцо и всю святорусскую землю перевернул.

– Слишком много с него этой силушки, – переговариваются между собой калики, – не снесёт его земля, надо поубавить. Принеси-ка нам, Илья, еще чару браги.

Пошёл Илья опять в погреб; идёт по саду, за какой дубок ни хватится, с корнем вон дубок летит; куда ни ступит, нога в земле вязнет, что в топком болоте. Спустился он в самую глубь погреба, налил самой лучшей браги и несёт каликам.

Выпили они, опять Илью потчуют:

– Испей, Ильюша, после нас.

Послушался Илья и почувствовал, что силы в нём поубавилось.

– Сколько чуешь теперь в себе силушки? – спрашивают калики.

---

[4] Ча́рка / ча́ра – сосуд для питья крепких напитков.

– Силушки во мне против прежнего половина, – отвечает Илья.

– Ну, будет с тебя, молодец, и этой силушки; можешь ты теперь со всяким богатырём силою мериться, на бою тебе смерть не написана. Помни только один завет: не бейся со Святогором-богатырём, он сильнее тебя, берегись и Вольги, Вольга тебя может хитростью одолеть. Не иди и супротив рода Микулина: любит его мать – сыра земля. А теперь проводи нас на холм, за село, там и простимся.

Проводил их Илья. Ушли странники, а Илья заснул богатырским сном ни много ни мало на двенадцать дней. Проснулся он, захватил топор и пошёл к отцу, к матери на пожню. Стал он лес расчищать, только щепки полетели: старое дубьё с одного взмаху валит, молодое с корнем из земли рвёт. В три часа столько лесу расчистил, сколько отец с матерью и с работниками и в три дня не наработали. Вскопал и выровнял Илья поле великое-превеликое, спустил дубы да колоды в глубокую реку, топоры в пни воткнул и пошёл отдыхать.

Пришли отец с матерью, видят: всё поле расчищено, вся работа сделана.

– Кто же это за нас пожни расчистил? – дивуются они.

– Уж не Илейко ли пошаливает? – пошутил старик.

Ан глядь, Ильюша-то к ним навстречу из избы идёт здоровёхонек, с низким поклоном их встречает, про свою радость великую рассказывает.

Научили ещё Илью странники на прощанье, как себе коня добыть. Пошёл Илья в чисто поле, видит: ведёт прохожий невзрачного жеребчика, косматого, нехолёного. Вся-то цена ему грош, а прохожий запросил цену непомерную: пятьдесят рублей с полтиною. Илья с ним не торговался, дал ему то, что он запросил, и повёл жеребёнка домой.

Кормил он его пшеницей белояровой, поил свежей ключевой водой, холил, выхаживал. А как прошло три месяца, выводил его по три зари, купал в трёх росах утренних, и стал бурушко[5] на диво конём. Заставил его Илья через высокий тын[6] прыгнуть – перепрыгнул конь, и копытами не задел. Положил он ему на хребет руку свою богатырскую – конь не пошатнулся, не шелохнулся, только заржал.

– Это добрый конь, – сказал Илья, – будет он в бою мне верным товарищем.

Просит Илья у отца, у матери благословение:

– Государь мой, родимый мой батюшка, Иван Тимофеевич, государыня, родимая моя матушка, отпустите вы меня на Русь православную, попытать своей силушки в честном бою, с богатырями силой-удалью помериться.

Опечалились отец с матерью.

– Думали мы, что ты будешь нам работником, нашей старости угодником, а ты нас покинуть задумал, – сказал отец. – Куда же ты ехать хочешь?

– А хочу я поехать в стольный Киев-град, к Красному Солнышку князю Владимиру, буду служить ему верой и правдою, беречь землю русскую от всякого недруга-ворога.

---

[5] Бу́рушко – уменьшительно-ласкательное слово, обозначающее коня бурой (рыжей или каштановой) масти.

[6] Тын – ограда без просветов, составленная из вертикальных кольев, брёвен или жердей.

Вздохнул честной[7] старик Иван Тимофеевич, молвил сыну:

– Благословляю тебя на добрые дела, Илья, а на дурное нет тебе моего благословения. Помни мой завет: не проливай крови христианской, не помысли злом даже и на бусурманина, да на золото, серебро не льстись.

Отвесил Илья отцу с матерью низкий поклон до земли, обещал им крепко держать их завет и пошёл снаряжаться в путь-дорогу, надевать доспехи богатырские.

Выковал себе Илья из трёх полос железных три стрелы и закалил их в матери сырой земле; меча же не нашлось по его силушке: какой ни сожмёт в кулак, рукоять и отвалится. Бросил он эти мечи бабам лучину щипать, сковал себе копьё булатное и стал седлать своего бурушку холёного: положил войлочки на войлочки, потнички на потнички, а поверх всего седло черкасское с двенадцатью подпругами шёлковыми, с тринадцатой железной не для красы, а для крепости.

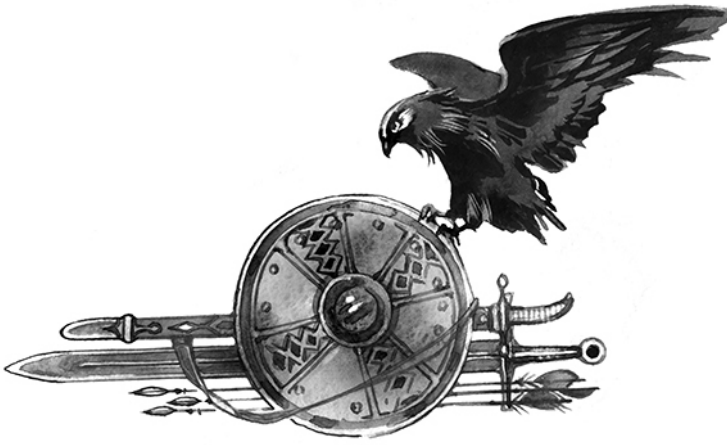
Захотелось Ильюше свою силу попробовать: пошёл он к Оке-реке, собрал народ, упёрся плечом в гору, что на берегу высилась, и свалил её в реку: завалила гора русло, повернулась река, потекла по-новому, а то место, где старое русло Илья горою завалил, старые люди ещё и поныне молодым показывают, про богатыря вспоминаючи.

Пустил Илья на прощание корочку хлеба по Оке-реке, по кормилице, за то, что кормила, поила его тридцать три года,

---

[7] Честно́й / честна́я – пользующийся/-аяся уважением.

зашил горсть родной земли в ладанку. Отстоял он заутреню со своими домашними и пустился в путь.



Илья Муромец и Соловей-разбойник

Едет Илья к стольному граду Киеву, торопится, хочет поспеть к обедне воскресной, с ласковым князем Владимиром светлый праздник Христов отпраздновать.

Скачет конь богатырский выше леса дремучего, по рекам броду не спрашивает; первый ускок скочил в полторы версты; где скочил, там ключ живой из земли ударил, что и поныне бьёт; за вторым ускоком миновал богатырь родимый Муром, а за третьим ускоком его и след простыл, очутился он под самым под Черниговом.

Как подъехал к городу Чернигову, слышит: под стенами шум и гам, стоят татар многие тысячи, от пыли да от пару лошадиного не видать днём красного солнышка, а ночью – светлого месяца; залегла сила татарская далеко кругом, так залегла, что ни зайцу серому не проскочить, ни ясному соколу не пролететь. Приостановился Илья.

– Коли побить нехристей – нарушить отцову заповедь, а не пролить кровь татарскую – ждёт черниговцев смерть неминучая.

Подумал богатырь с минуту и решил всё ж нарушить завет родительский да спасти Чернигов-град. Сошёл он с коня, вырвал левой рукой коренастый дуб, привязал его к левому

стремени. Вырвал правой рукой другой дуб, взял его в правую руку вместо дубинки, чтобы ею нехристей пощёлкивать. Сел на коня и пошёл гулять по становищу татарскому: где махнёт рукой – там улица, перемахнёт – переулочек, сам не добьёт – так конём стопчет, дубом, что у стремени, сомнёт. Перебил всех татар, а царевичей татарских отпустил на волю, сказал им на прощание:

– Разнесите весть по свету белому, что святая Русь не пуста стоит, много в ней богатырей, сильных да могучих.

А в городе-то черниговцы все в церкви собрались, молятся, причащаются, с родными прощаются, собираются на татар идти.

Подъехал Илья, слез с коня, привязал его к столбу и вошёл в церковь. Смотрят на него черниговцы, дивуются:

– Откуда ты, молодец, взялся, как к нам в город через силу несметную татарскую мог пробраться?

Перекрестился Илья, поклонился на все четыре стороны, говорит им:

– Эй вы, молодцы добрые, куда сбираетесь, о чём тужите, плачете, молитесь?

– Аль не видел, добрый молодец, что вокруг нашего города облегла несметная сила татарская? Не совладать нам с ними, на верную смерть идём.

Усмехнулся Илья, проговорил:

– Не поздно ли собралися, добрые люди? Вы взойдите на стену, гляньте в поле чистое, не лежат ли силы несметные?

Побежали черниговцы на стену, глядят в поле и очам не верят: усеяно поле мёртвыми татарами: ни один не привстанет, не подымется, вся сила татарская побита, как один человек.

Бросились черниговцы к удалому богатырю, несут ему хлеб-соль, дары великие, серебро, золото, скатный[8] жемчуг, дорогие ткани разноцветные.

– Добрый молодец, могучий богатырь, ты скажи, как тебя звать-величать? Какого ты роду-племени? Прими наши дары, хлеб-соль нашу малую! На твоей великой заслуге бьём тебе челом, просим мы у тебя одной милости: ты останься у нас жить воеводою, будем мы тебе служить верой-правдою, будем слушать приказа твоего богатырского.

– Зовут меня Ильёй Муромцем, а родом я из села Карачарова, не могу я быть воеводою, надо мне поспешить в стольный Киев-град к Красному Солнышку, князю Владимиру; покажите-ка мне туда дорогу прямоезжую.

Переглянулись черниговцы, призадумались.

– Есть от нас к Киеву дорожка прямоезжая, да нельзя по той дорожке ехать! Тридцать лет по дорожке той не езжено, не хожено, залегли той дорожкой болота-топи глубокие да широкая река Смородина, быстрая, бурливая, что ни броду, ни проезду. К тому ж за рекой Смородиной свито гнездо Соловьиное, засел в нём Соловей-разбойник, нет мимо него ни

[8] Ска́тный (о жемчуге) – круглый, отборный.

конному проезду, ни пешему проходу, всех он убивает своим свистом. Ездим же мы, витязь, в Киев окольной дорогой, хоть она и вдвое дальше, да зато вернее. Поезжай-ка, удалый молодец, дорожкой окольной, прямоезжей дорогой пойдёшь на верную смерть, несдобровать твоей головушке от этого свисту соловьиного.

Разгорелось у Ильи сердце богатырское:

– Мне ли, молодцу, бояться свисту соловьиного, рыканья звериного? Я поеду в Киев прямой дорожкой, я очищу дорожку ту вплоть до самого Киева.

Вскочил Илья на коня: взвился бурушко под облака, только черниговцы его и видели.

Доскочил конь до реки Смородины: течёт река Смородина широкая, бурливая, струйки её изменчивые, воды опасливые; приостановился конь, махнул хвостом, взвился выше лесу стоячего и одним скачком перепрыгнул реку.

Сидит за рекою Соловей-разбойник на девяти дубах, что вершинами в небо упираются; не пролетит мимо него ни пташка малая, ни сизый орёл, не пробежит мимо тех дубов ни зайка-горностайка, ни вепрь, ни буйный тур, ни медведь косолапый – все его посвиста боятся: никому умирать не хочется.

Как завидел Илья Соловья, припустил коня и подскакал к дубам. Зашевелился Соловей, засвистал во весь свой мощный свист, зашипел по-змеиному, заревел по-звериному, так что конь у Ильи на коленки пал. Осерчал богатырь на своего бурушку, бьёт его плетью по крутым бёдрам, сам приговаривает:

– Травяной ты мешок, не богатырский конь, волкам тебя отдать на съедение! Не слыхал ты, что ли, писку птичьего, не слыхал шипу змеиного, испугался рёву звериного? Видно, надо уж мне, витязю, нарушить завет родительский, окровавить свою стрелу калёную!

Вынул Илья тугой лук из налучника, вставил калёную стрелу, наметил в Соловья – взвилась стрела, попала разбойнику прямо в правый глаз, а в левое ухо вылетела. Свалился Соловей с дуба комом, подхватил его Илья, связал путами

сыромятными, привязал к левому стремени. Глядит на него Соловей, молчит, не смеет слова вымолвить.

– Что глядишь на меня, Соловей-разбойник? – спрашивает Илья. – Али русских богатырей не видывал?

– Ох, попал я в руки крепкие, – закручинился Соловей, – не уйти мне из этих рук могучих, не видать мне вольной волюшки!

Поехал Илья с Соловьём к Киеву, а под Киевом у Соловья другая застава – подворье его Соловьиное. Стоят Соловьиные палаты белокаменные, двор на семи столбах, на семи верстах, вокруг железный высокий тын, а на каждой тынинке по маковке, на каждой маковке по голове богатыря убитого. Посреди двора три терема златоверхие, верхи с верхами свиваются, потолки с потолками сливаются, крылечки с крылечками сплываются, а промеж теремов сады рассажены зелёные с цветами лазоревыми. Под теремами залегают погреба глубокие, а в них много несчётной золотой казны награбленной, много всякого богатства, добра наворованного. Жила в этом подворье семья Соловьиная: молодая его жена, да дочери – удалые поленицы[9], да мужья их, зятья Соловьиные, все богатыри сильные, могучие.

Как завидел Соловей своё гнёздышко насиженное, забился, аж[10] путы затрещали, и взмолился Илье:

– Бери, богатырь, всё моё подворье великое, бери мои

[9] Полени́ца – богатырша, сильная женщина.

[10] Аж – даже.

палаты белокаменные, возьми и всё добро, всю казну мою несчётную, отпусти только меня на волю вольную, дай ты мне покаяться, замолить грехи мои тяжкие.

Молчит Илья, не слушает уговоров Соловьиных, прямиком к его подворью едет.

Завидели его в окна дочери и жена Соловья. Старшая дочь и говорит:

– Вон наш батюшка едет, чужого мужика везет у стремени, и глаз ему вышиб.

А жена Соловья взглянула и ахнула:

– Ой ты, дочка неразумная, не батюшка ваш мужика везёт, а едет-то богатырь русский, везёт вашего батюшку в путах, у стремени.

Взмолилась она зятьям:

– Зятья наши любезные, дети милые! Бегите скорее в погреба глубокие, несите злата, серебра, каменьев самоцветных, сколько захватится, выходите к богатырю, встречайте его с почестью, просите, упрашивайте, низко кланяйтесь, чтобы отпустил он вам вашего батюшку, чтобы не казнил его лютой смертью.

Упёрлись зятья, не слушают матери:

– Уж и нам ли семерым не совладать с одним витязем? Уж и нам ли его не осилить? Обернёмся мы чёрными воронами, заклюём его, освободим батюшку.

– Ох вы, дети неразумные! Ваш отец не вам чета, да и то к богатырю в полон попал, где же вам с ним справиться?

Не послушались зятья-сыновья матери, не вышли встретить Илью, а старшая дочь, Пелька, к воротам подкралась, ухватила доску железную в девяносто пудов и стала поджидать богатыря. Как въехал Илья в ворота, увидал её с доскою железной, дал ей замахнуться. Полетела доска в Илью, а он отмахнул её своею рукой богатырской – попала доска в Пельку, да и пришибла её до смерти.

Видит жена, видят другие дочери, что не совладать им с богатырём, бросились ему в ноги, молят, убиваются, дают за отца великие выкупы.

– Не возьму я от вас никаких выкупов, отвезу я вашего отца в Киев, к славному князю Владимиру. Коли хотите отца выручить, приезжайте через три дня со всем вашим богатством-имуществом в терем княжеский, может быть, и отдам вам тогда вашего батюшку.

Повернул Илья коня, не промедлил ни минуточки в Соловьином подворье, за три ускока был уже у Днепра-реки, а перевозчицей там была другая Соловьиная дочь, Катюшенька.

Широка, глубока Днепр-река. Видит Соловей, что не перейти её богатырю, не перескочить коню богатырскому, и кричит своей дочери:

– Доченька родная, Катюшенька! Не перевози ты добра молодца, богатыря могучего, проси ты у него в залог меня, старика, тогда и перевези, как отпустит меня на волю!

Послушалась отца перевозчица, отчалила и переехала на ту сторону.

Промолчал богатырь, слез с коня, левой рукой его в поводу ведёт, а правой рвёт дубы столетние с корнями, с подкореньями. Подошёл к реке, перебросил дубы, намостил себе мост крепко-накрепко, сам перешёл и коня перевёл.

Вынул он из кармана подорожную плётку шелковую о семи хвостах с проволокой, подошёл к перевозчице.

– Ну-ка, девица, теперь мы с тобой рассчитаемся!

Стегнул раз – она с ног свалилась, а другой раз стегнул – тут ей и смерть пришла.

Приумолк Соловей-разбойник, не шелохнётся, на богатыря и глянуть не смеет.

Бежит конь у Ильи, как сокол летит, реки, озёра промеж ног берёт, хвостом поля устилает. Смотрят на Илью старые богатыри, любуются:

– Нет другого богатыря на поездку, как Илья Муромец! Вся поездка его молодецкая, вся поступь его богатырская!

Приехал Илья в стольный Киев-град. Отошла обедня воскресная, Владимир Красное Солнышко сидит в тереме с боярами, богатырями да витязями. Привязал Илья коня своего среди двора к высокому столбу точёному, к кольцу позолоченному и говорит Соловью:

– Ты смотри, Соловей, вор Рахманович, не вздумай уйти от коня моего! От меня никуда не убежишь, не спрячешься, везде тебя найду, отсеку твою буйну голову.

А коню своему бурушке наказывает:

– Конь ты мой добрый, богатырский! Пуще глазу береги

Соловья-разбойника, чтобы не ушёл он от стремени булатного.

Вошёл Илья в терем княжеский, в гридню[11], где пировал Владимир Красное Солнышко, помолился на образа, поклонился на все четыре стороны, князю с княгиней отвесил особый поклон, проговорил:

– Здравствуй, Владимир Красное Солнышко, князь стольнокиевский! Принимаешь ли к себе, Солнышко, заезжего молодца на честное пированьице?

Поднесли тут Илье добрую чару зелена вина[12] в полтора ведра. Принимал он чару одною рукой, выпивал одним духом, не поморщился.

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

– Откуда ты, добрый молодец? Какого рода-племени? Как тебя звать-величать?

– Зовут меня Ильёю, по отчеству Ивановичем. Приехал я из города Мурома, из села Карачарова, ехал дорогой прямоезжею. Выехал из дому, как отошла заутреня, хотел было попасть сюда к обедне, да в дороге позамешкался.

Много было богатырей на весёлом пиру, все они переглянулись, рассмеялись, говорят князю:

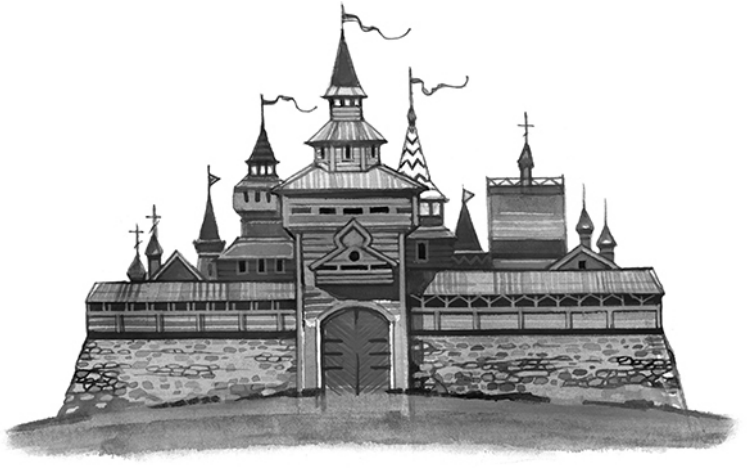
– Князь Владимир, ласковое наше Солнышко! В глаза детина-то над тобой насмехается, завирается: нельзя проехать из Мурома по прямой дороге в Киев, заросла она уже трид-

---

[11] Гри́дня – комната для приёмов и пиров в княжеском тереме.

[12] Зелено́ вино́ – хлебное вино, водка (от слова «зелье», а не зелёного цвета).

цать лет, есть на ней застава разбойничья, засел там Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего.



Не взглянул на них Илья, не ответил, а сказал князю Владимиру:

– Ты не хочешь ли, князь, посмотреть на мою удачу богатырскую? Я привёз тебе в подарочек Соловья-разбойника. Выйди на свой широкий двор, погляди: там мой конь стоит, а к стремени Соловей-разбойник приторочен. Оттого я и позамешкался, что очистил дорогу прямоезжую.

Повскакали тут с мест и Владимир, и все богатыри, спешат с Ильёю на двор княжеский.

Подошёл Владимир к Соловью, подивился на него, гово-

рит:

– Ну-ка, Соловей Рахманович, засвищи-ка по-соловьиному, потешь нас с богатырями да с витязями.

Не глядит на него Соловей, отворачивается.

– Не твой хлеб, князь, кушаю, не тебя и слушаю, – отвечает.

Поклонился тогда Владимир Илье Муромцу:

– Илья свет Иванович! Прикажи своему Соловью засвистать, потешь нас.

– Ой, великий князь стольнокиевский, запеклись у Соловья уста его, не свистнуть ему теперь; вели ему вынести чару зелена вина в полтора ведра, да другую – пива пьяного, да третью – мёда сладкого, да дай закусить калачом крупитчатым[13] величиной с турий рог, вот тогда он и засвищет, потешит нас.

[13] Крупи́тчатый кала́ч – круглый белый хлеб, выпеченный из пшеничной муки лучшего сорта.

Принесли Соловью чару зелена вина, принесли пива, мёду сладкого – освежил он свою голову, приготовился свистать.

– Ты смотри мне, Соловей, не вздумай свистать иначе, как вполсвиста, – приказывает Илья.

Взял Илья князя с княгинею под мышки, прикрыл их плечами своими могучими и велел Соловью свистнуть. Засвистал Соловей во всю свою мочь, зашипел по-змеиному, заревел по-звериному, земля всколебалась, с теремов маковки попадали, оконные стёкла повысыпались, старые дома развалились, кони богатырские разбежались, все богатыри на землю попадали, замертво лежат, не шелохнутся.

Испугался Владимир.

– Уйми, Илья, своего Соловья, такие-то шутки нам не надобны; не пускай его на волю, он натворит беды немалые.

А Соловей стал упрашивать:

– Отпустите вы меня на волю, я выстрою вокруг Киева сёла с присёлками, города с пригородами, настрою церквей, монастырей, буду грехи свои тяжкие замаливать.

Не слушает его Илья Муромец.

– Нельзя, – говорит, – отпустить его, он сызнова будет разбой держать; не строитель он вековой, а разоритель.

Вывел он Соловья в чисто поле и отсёк ему буйну голову.

Как приехали через три дня дети Соловьиные, как услышали, что нет в живых Соловья-разбойника, заплакали, закручинились. Не взял с них Илья ни серебра, ни золота.

– Это, – говорит, – вам именьице[14] осталось от вашего батюшки, чтобы могли вы жизнь прожить честно и мирно, не разбойничать. Ступайте себе, берите ваше богатство-имение, оно мне не надобно.

[14] Име́ньице / име́ние – здесь: богатство.

Так и отпустил их на все четыре стороны, а сам остался служить у Владимира Красного Солнышка.

Святогор

Высоко поднялись Святые горы; их каменные вершины в небо упираются, глубоко расползлись во все стороны чёрные ущелья, одни орлы туда залетают, и то ненадолго. Покружится-покружится орёл над скалами да и ниже спустится. «Нет, – думает, – тут мне поживиться нечем, тут и следа живого не видно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.